

А.В. ШАМАНАЕВ
ЕКАТЕРИНБУРГ

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ХЕРСОНЕСА

В последние годы изучение истории археологической науки в России привлекает все большее внимание исследователей. Если до начала 1990-х гг. этой теме были посвящены только несколько монографий А.А. Формозова, то за последние полтора десятилетия вышли книги В.Ф. Генинга и В.Н. Левченко, Г.С. Лебедева, И.В. Тункиной, И.Л. Тихонова, а также значительное число статей, раскрывающих различные аспекты становления и развития отечественной археологии¹. Большинство данных работ отличает высокий научный уровень, тщательная выверенность фактов и обоснованность выводов.

К сожалению, среди публикаций, посвященных истории археологических исследований появляются работы, объективность оценок и обоснованность выводов которых вызывают серьезные сомнения. В частности, много вопросов возникает при чтении историографического раздела монографии и статьи А.И. Романчук, вышедших, соответственно, в 2000 и 2004 г.²

Прежде всего, вызывает сомнение правомерность периодизации археологических исследований в Херсонесе в XIX – начале XX в., представленная в книге «Очерки истории и археологии византийского Херсона». В работе два начальных этапа раскопок датированы 1827–1888 гг. и 1888–1927 гг.³ Хронологические рамки этих периодов отличаются

---

¹ См.: ЛЕБЕДЕВ Г.С. Труды А.А. Формозова по истории русской археологии и их роль в становлении отечественной исторической науки // Невский археолого-историографический сборник. СПб., 2004. С. 24–34.

² РОМАНЧУК А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург, 2000; она же. Возвращение к старой теме, или начальный период исследования Херсонеса // АДСВ. 2004. Вып. 35. С. 241–254.

³ РОМАНЧУК А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсона... С. 12–16.

от периодизаций, предложенных К.Э. Гриневичем в 1927 г. и самой А.И. Романчук в 1986 г.⁴

Следует отметить, что периодизация К.Э. Гриневича выстроена по формальному принципу, выделенные этапы связаны с лицами или организациями, осуществлявшими раскопочные работы. Соответственно первый период в его схеме приходится на 1827–1876 гг. и характеризуется как «Эпоха бессистемных и случайных раскопок». Второй период раскопок в схеме К.Э. Гриневича разделен на этапы исследований Одесского общества (1876–1888) и Археологической комиссии (1888–1918 (1924))⁵.

А.И. Романчук попыталась построить периодизацию на аналитических принципах. В схеме 1986 г. она датирует рамки первого периода, в отличие от К.Э. Гриневича, 1827–1886 г., но в отношении характера исследовательской деятельности речь идет о случайных людях, отсутствии планомерности исследований. По ее мнению, ситуация не изменилась и после передачи контроля над памятником Одесскому обществу истории и древностей⁶. В монографии 2000 г. первый период был продлен на два года (до 1888 г., без каких-либо комментариев со стороны автора), но характеристика его содержания осталась прежней⁷. Вторым этап – 1888–1927 гг. – А.И. Романчук прежде ограничивала 1917 г.⁸ В работе 2000 г. она продлила этот этап до 1927 г., однако никакой информации об исследованиях после 1914 г. в тексте нет, также как и обоснования удлинения данного периода на 10 лет⁹.

Необходимо отметить, что раскопки в Херсонесе осуществлялись на фоне развития археологической науки в России в целом, и построение их периодизации требует обращения к разработанным системам всероссийского значения. В настоящее время наиболее обоснованными являются периодизации развития дореволюционной археологии

⁴ ГРИНЕВИЧ К.Э. Сто лет херсонесских раскопок. Севастополь, 1927. С. 9-40; РОМАНЧУК А.И. Херсонес XII–XIV вв.: Историческая топография. Красноярск, 1986. С. 10-22.

⁵ У К.Э. Гриневича в этом случае есть некоторое противоречие. 1924 – год окончания деятельности руководителя раскопок Л.А. Моисеева, назначенного еще Императорской Археологической комиссией. Однако К.Э. Гриневич указывает, что после 1918 г. связь с Петроградом прервалась, да и раскопки фактически не проводились.

⁶ РОМАНЧУК А.И. Херсонес XII–XIV вв. С. 12-13.

⁷ РОМАНЧУК А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсона... С. 12-16.

⁸ РОМАНЧУК А.И. Херсонес XII–XIV вв. С. 14-20..

⁹ РОМАНЧУК А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсона... С. 16-22.

А.А. Формозова, В.Ф. Генинга и В.Н. Левченко, Г.С. Лебедева¹⁰. Интересно отметить, что при существенных различиях в хронологических рамках и оценках сути научных исследований в отдельные периоды можно найти много общего в работах названных авторов. По мнению А.А. Формозова с конца XVIII в. до 1880 г. происходит первичное накопление материала и переход от увлечения греко-римскими древностями к созданию основ единой археологической науки¹¹. В.Ф. Генинг и В.Н. Левченко выделяют первый этап развития отечественной археологии с конца XVIII в. до 1870-х гг. («археология древностей») и связывают его также с первоначальным накоплением материала – «... сбора случайных находок и путем раскопок собственно археологических источников»¹². Г.С. Лебедев полагал, что с 1700 по 1884 г. происходит зарождение, становление и развитие отечественной археологии на основе «бытописательской парадигмы»¹³. Таким образом, интерес к археологическим древностям четко фиксируется уже с XVIII в., а существенным рубежом является переход к аналитическим разработками в 1870-1880-х гг.

Обращаясь к периодизации А.И. Романчук, можно обратить внимание, что история изучения памятника начинается только с первых раскопок 1827 г. При этом игнорируются труды путешественников, в том числе ученых из Академии наук, а также работы картографов Черноморского флота. Однако уже В.Н. Татищев ставил вопросы о локализации Херсона-Корсуни и о достоверности сведений о крещении князя Владимира¹⁴. На рубеже XVIII–XIX вв. труды П.С. Палласа, П.И. Сумарокова и др. представили русской науке и русскому обществу этот уникальный памятник¹⁵. К их книгам обращались исследователи XIX в. И.В. Тункина приводит данные о большой работе по составлению топо-

¹⁰ ФОРМОЗОВ А.А. Страницы истории русской археологии. М., 1986. С. 68-69; ГЕНИНГ В.Ф., ЛЕВЧЕНКО В.Н. Археология древностей – период зарождения науки. Киев, 1992. С. 4-6; ЛЕБЕДЕВ Г.С. История отечественной археологии: 1700–1917 гг. СПб., 1992. С. 51-347, 395.

¹¹ ФОРМОЗОВ А.А. Страницы истории русской археологии. С. 68.

¹² ГЕНИНГ В.Ф., ЛЕВЧЕНКО В.Н. Археология древностей... С. 4-5.

¹³ ЛЕБЕДЕВ Г.С. История отечественной археологии... С. 395.

¹⁴ ТАТИЩЕВ В.Н. История Российская. М.:ИЛ., 1962. С. 121, 171.

¹⁵ ПАЛЛАС П.С. Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 годах // ЗООИД. 1881. Т. 12. С. 97-110; СУМАРОВОК П.И. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. Ч. 1. СПб., 1803. С. 203-216.

графических планов Херсонеса в конце XVIII – начале XIX в.¹⁶ Труды, посвященные изучению Херсонеса в конце XVIII в. характеризуются также в монографии С.Б. Сорочана, В.М. Зубаря и Л.В. Марченко¹⁷.

Необходимо отметить, что и в XIX в., и в наше время раскопкам, как правило, предшествует выявление памятника и первоначальное его обследование. Таким образом, период собирания первых сведений о Херсонесе вычеркивается А.И. Романчук из истории исследований без обоснования этого факта. В статье 2004 г. А.И. Романчук, наконец, уделяет внимание раннему периоду изучения Херсонеса. Однако, также без комментариев, она связывает начало изучения памятника с 1772 г. (появление русской эскадры в Ахтиарской бухте), ссылаясь на работу А.Л. Бертье-Делагарда¹⁸. В тоже время, И.В. Тункина приводит данные о существовании картографических материалов конца 1730-х гг.¹⁹

Хронологические рамки первого периода изучения Херсонеса А.И. Романчук доводит до 1888 г., когда контроль над раскопками был передан Императорской археологической комиссии. Возникает вопрос: насколько правомерно объединять начальные шаги по исследованию памятника конца XVIII – первой половины XIX в. и раскопки, которые организовывало Одесское общество истории и древностей с 1876 по 1886 гг.?

Методический уровень и значимость раскопок с 1827 г. по середину 1870-х гг. А.И. Романчук оценивает преимущественно критически и говорит о них как о наносивших «подчас непоправимый вред памятникам» (Д.В. Корейша), кладоискательских (Шемякин). Только работы А.С. Уварова характеризуются как первые, «о которых был составлен отчет»²⁰. Фактически, речь идет об оценке, данной еще К.Э. Гриневичем – бессистемные и случайные раскопки. По мнению А.И. Романчук, после передачи раскопок под контроль Одесского общества в 1876 г. «... на практике наблюдение за ними продолжил монастырь или случайные люди», а «... научная значимость раскопок, даже с позиций того времени невелика»²¹.

¹⁶ Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII-середина XIX в.). СПб., 2002. С. 479-498.

¹⁷ Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000. С. 16-18.

¹⁸ Романчук А.И. Возвращение к старой теме... С. 243.

¹⁹ Тункина И.В. Русская наука... С. 480.

²⁰ Романчук А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсона... С. 13.

²¹ Там же. С. 15.

С подобными оценками согласиться трудно, особенно если сравнить работы Одесского общества с периодом деятельности в Херсонесе представителей Археологической комиссии. В качестве наиболее значимых факторов, определявших раскопки ИАК, А.И. Романчук называет контроль со стороны правительственной организации и наличие государственного финансирования. К числу недостатков работ ООИД она относит отсутствие планомерности раскопок, музея, мер по охране памятников и предотвращения скупки древностей коллекционерами²².

Однако, деятельность научных обществ в России XIX в., в том числе и ООИД, санкционировалась и контролировалась правительством²³. Более того, до 1889 г. научно-археологические общества имели право осуществлять контроль над раскопками на государственных и крестьянских землях в той же мере, что и Археологическая комиссия²⁴. Следует отметить, что Одесское общество получило право осуществлять и контролировать археологические раскопки в Новороссийском крае еще при его образовании в 1839 г., т.е. за 20 лет до учреждения Императорской археологической комиссии²⁵. Таким образом, юридический статус ООИД в вопросах курирования археологических исследований был близок к положению ИАК.

Отметим также, что и Н.П. Кондаков и К.К. Косцюшко-Валюжинич (руководители раскопок, назначенные от ИАК) были членами ООИД (первый с 1875 г., второй с 1885 г.)²⁶. Говоря об уровне профессиональной подготовки руководителей и участников раскопок, необходимо подчеркнуть, что в середине XIX в. профессиональная археологическая подготовка в современном смысле слова находилась в стадии становления²⁷. Специалистами становились прежде всего в результате участия

²² Романчук А.И. Возвращение к старой теме... С. 253-254.

²³ Степанский А.Д. К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России // АЕ-1974. М., 1975. С. 40.

²⁴ Разгон А.М. Охрана исторических памятников в дореволюционной России (1801–1917 гг.) // История музейного дела в СССР. Тр. НИИ музееведения. М., 1957. Вып. 1. С. 97-98.

²⁵ Мурзакеич Н.Н. Очерк заслуг сделанный наукам, светлейшим князем М.С. Воронцовым // ЗООИД. 1860. Т. 4. С. 403; Юргевич В.Н. Краткий очерк деятельности Императорского Одесского общества истории и древностей // ЗООИД. 1886. Т. 14. С. 52.

²⁶ Маркевич А.И. Состав Императорского Одесского общества истории и древностей в 1839–1902 гг. // Отчет Императорского Одесского общества истории и древностей за 1901 г. Одесса, 1902. С. 25, 28.

²⁷ Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете: Историко-графические очерки. СПб., 2003. С. 223-225.

в полевых исследованиях. В этом плане фигуры Н.П. Кондакова и К.К. Косцюшко-Валюжинич мало отличались от их предшественников (Н.Н. Мурзакевича, В.Н. Юргевича и др.).

Начало раскопок ООИД в Херсонесе было обусловлено выделением государственного финансирования, поскольку и Министерство народного просвещения и Синод являлись правительственными учреждениями. Уже в первый год раскопки Одесского общества проводились по плану, в котором были предусмотрены и меры по охране памятника²⁸. В последующие годы общество предпринимало меры по усилению охранных мер и предотвращению хищений древностей со стороны рабочих. В 1884 г. была введена система вознаграждений за интересные находки²⁹. На протяжении всего периода раскопок Н.Н. Мурзакевичем и В.Н. Юргевичем регулярно разрабатывались инструкции по проведению работ и организации охраны памятника³⁰. Следует отметить, что практика таких мер в России еще только формировалась, отсутствовал даже закон об охране памятников истории. В тоже время, руководителям раскопок 1888–1917 гг. приходилось постоянно учитывать интересы монастыря и военного ведомства, что придавало работам экстренный и охранный характер. Соблюдать плановость и систематичность в таких условиях было крайне трудно³¹. А.И. Романчук, характеризуя период раскопок после 1888 г., также приходит к выводу, что «... сделать исследование Херсонеса систематическими и плановыми не удалось»³².

Необходимо учитывать и то, что Одесского общества не планировало создавать музей античных древностей в Херсонесе. В 1876 г. формально продолжало действовать распоряжение, связанное с раскопками А.С. Уварова. В 1853 г. ему пришлось обратиться к архиепископу Ин-

²⁸ ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 21–21 об.

²⁹ ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 223–223 об.

³⁰ ШАМАНАЕВ А.В. Документы Одесского общества истории и древностей об организации археологических раскопок в Херсонесе в 1870–1880-х гг. // ДАИС. Екатеринбург, 2005. Вып. 5. С.384–394; он же. Организация и финансирование археологических исследований Одесского общества истории и древностей в Херсонесе (1876–1886 гг.) // ПИР. Екатеринбург, 2005. Вып. 6. С. 272–283.

³¹ КРЕСТЬЯННИКОВ В.В. Взаимоотношения военного ведомства и монастырей при строительстве крепости «Севастополь» // Восток – Запад: межконфессиональный диалог. IV Межд. Крымская конф. по религиоведению. Сб. материалов. Севастополь, 2003. С. 102–113.

³² РОМАНЧУК А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсона... С. 17.

нокентию за разрешением на раскопки³³. Последний дал согласие, но с условием оставлять все находки в Севастополе³⁴. А.С. Уваров добился разрешения обер-прокурора Святейшего Синода графа Н.А. Протасова, (согласованного с Николаем I): «... предметы глубокой древности, принадлежащие к времени до Рождества Христова ... должны поступить в музей Эрмитажа ... оставлять же на месте из числа найденных, ... можно лишь те, которые относятся до христианской церкви» (30 ноября 1853 г.)³⁵. Такой принцип разделения находок должно было соблюдать и Одесское общество. Следовательно, находки античного времени передавались в Одессу, где существовал один из старейших в России археологических музеев, а средневековые памятники сосредотачивались в хранилище при монастыре.

После 1888 г. ситуация мало изменилась. Безусловно, значительная часть находок оставалась теперь в Херсонесе, но их хранение было организовано на низком уровне. Музей так и не был создан, а «Склад древностей» К.К. Косцюшко-Валюжинича вызвал резкую критику Н.И. Веселовского и А.А. Спицина³⁶. Кроме того, согласно существовавшим в России нормативным документам, все наиболее ценные находки, сделанные на казенных землях передавались через Археологическую комиссию в государственные хранилища (Эрмитаж и Исторический музей). Вопрос о передаче части находок в местные музеи ставился, в частности, на Десятом археологическом съезде (Рига, 1896 г.), но позиция ИАК, скептически оценивавшей деятельность большинства провинциальных музеев, оставалась неизменной³⁷.

Таким образом, с передачей руководства раскопками в Херсонесе Императорской археологической комиссии принципиально изменились объемы финансирования и, в соответствии с ними, масштабы работ. Трудно утверждать, что существенно поменялась методика или формы организации раскопок. Судя по всему, принципиальный рубеж в истории изучения Херсонесского городища был связан с деятельностью ООИД в середине 1870-х гг.

³³ Ящуржинский Х.П. Очерк археологических разведок и исследований в области Херсониса Таврического // ИТУАК. 1888. № 5. С. 112.

³⁴ Тункина И.В. Русская наука... С. 527.

³⁵ Лашков Ф.Ф. Архивные документы, относящиеся к истории Херсонисского монастыря // ИТУАК. 1888. № 5. С. 99-100.

³⁶ Публикации докладов Н.И. Веселовского и А.А. Спицина в ИАК см.: Гриневич К.Э. Сто лет херсонесских раскопок. С. 31-32.

³⁷ [УВАРОВА П.С.] Отчет предварительного комитета // Труды Одиннадцатого археологического съезда в Киеве. 1899. М., 1902. Т. 2. С. 50-51.

Соответственно первый период в истории изучения Херсонеса можно рассматривать как этап накопления знаний о памятнике, первых археологических раскопок и датировать его XVIII – первой половиной 70-х гг. XIX в. (1876 г.).

Хронологические рамки и содержание следующего периода в исследовании Херсонеса (1888–1927 гг.), предложенные А.И. Романчук, также вызывают сомнения. Начиная с раскопок Одесского общества истории и древностей можно говорить о систематических исследованиях городища. Это привело к разработке и совершенствованию методов исследования, созданию эмпирической базы, которая позволила перейти от стадии накопления и первичной классификации материала к аналитической работе с источниками. Важно учесть и развитие археологической методологии в России. В целом, характер исследований Херсонесского городища после 1876 г. соответствует стадии, которую В.Ф. Генинг и В.Н. Левченко называют «культурархеология»³⁸. В своей работе они датируют этот этап от 1870-х до 1930-х гг. Однако, как убедительно показывает Л.С. Клейн, смена методологической парадигмы в отечественной археологии произошла в середине 1920-х гг.³⁹

Таким образом, предложенные А.И. Романчук хронологический рубеж 1927 г. можно рассматривать как некорректный. Тем более, что она связывает начало нового этапа в изучении Херсонеса с научной конференцией, посвященной 100-летию с начала раскопок. Однако доклады на этой конференции отражали изменения, начавшиеся после назначения в Херсонес нового директора К.Э. Гриневича в 1924 г. В этом же году был открыт музей, с 1926 г. возобновились раскопки⁴⁰. При этом оформляется новый подход к изучению городища, используется методика, созданная на рубеже XIX–XX вв., разрабатываются новые интерпретации археологического материала⁴¹.

Еще менее удачным можно признать определение границы второго этапа 1917 г. (монография А.И. Романчук 1986 г.)⁴². События 1917 г., при всей их значимости, не привели к моментальной смене методологии и методов исследования⁴³. В самом Херсонесе наблюдение за городищем и заведование раскопками осуществлял с 1914 по 1924 г.

³⁸ ГЕНИНГ В.Ф., ЛЕВЧЕНКО В.Н. Археология древностей... С. 5-6.

³⁹ КЛЕЙН Л.С. Феномен советской археологии. СПб., 1993. С. 18.

⁴⁰ СОРОЧАН С.Б., ЗУБАРЬ В.М., МАРЧЕНКО Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. С. 42-43.

⁴¹ ЛАТЫШЕВА В.А. К.Э. Гриневич как археолог // Древности-2004. Харьков. 2004. С. 285-289.

⁴² РОМАНЧУК А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсона... С. 22-23.

⁴³ ФОРМОЗОВ А.А. Русские археологи в период тоталитаризма. М., 2004. С. 33-49.

Л.А. Моисеев. Есть сведения о том, что в 1919 г. А.А. Бобринский, уезжавший в эмиграцию, передал ему полномочия председателя Государственной археологической комиссии⁴⁴.

Соответственно, второй период исследований Херсонесского городища логичнее датировать серединой 1870-х – серединой 1920-х гг. (1876–1924). Необходимо отметить, что в рамках этих периодов возможно выделение этапов. Разумеется, предлагаемая периодизация не претендует на безусловность, и представленные рассуждения имеют характер дискуссии.

Вопросы и сомнения вызывает не только периодизация, но и некоторые заключения и факты приводимые в названных работах А.И. Романчук. Например, автором раскопок 1827 г. она называет лейтенанта Н. Крузе (в статье 2004 г. – К. Крузе⁴⁵). При этом точка зрения А.А. Формозова о том, что автором этих раскопок был капитан Севастопольского порта М.Б. Берх, отвергается на основании того, что «... одним из аргументов А.А. Формозова стало то, что докладная записка Н. Крузе о его раскопках чрезвычайно противоречива. В данном случае следует учитывать, что она была составлена спустя несколько лет после раскопок, когда многие детали уже стерлись из памяти исследователя»⁴⁶. Интересно, что А.А. Формозов в своей работе вообще такого аргумента не приводит, обосновывая свое мнение совсем другими фактами (в частности противоречивостью сведений о самом Крузе)⁴⁷. Зачем же приписывать исследователю то, чего нет в его статье? Однако, еще в 1988 г. И.В. Тункина вполне убедительно доказала, что первые раскопки в Херсонесе производил плантер Черноморского департамента корабельных инженеров подпоручик Карл Крузе (лейтенантом он стал после 1832 г.)⁴⁸. Эту точку зрения разделяют и участ-

⁴⁴ ГРИНЕНКО Л.О. «Керченский коллега» (роль В.В. Шкорпила в становлении Херсонесского музея) // Боспорские исследования. Симферополь, Керчь. 2005. Вып. IX. С. 350.

⁴⁵ РОМАНЧУК А.И. Возвращение к старой теме... С. 243.

⁴⁶ РОМАНЧУК А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсона... С. 12.

⁴⁷ ФОРМОЗОВ А.А. К летописи археологических исследований в Северном Причерноморье в первой половине XIX в. // СА. 1975. № 1. С. 173-174.

⁴⁸ ТУНКИНА И.В. К истории археологических исследований Херсонеса в первой трети XIX в. // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса: 1888–1988. Тез. докл. научной конф. Севастополь, 1988. С. 119-121; ОНА ЖЕ. Русская наука... С. 511-514.

ники украинско-австрийского проекта, исследовавшие в конце 1990-х гг. «базилику Крузе»⁴⁹.

А.И. Романчук характеризует раскопки Херсонеса в первой половине XIX в. как бесконтрольные. При этом неясно, какие есть основания считать, что К. Крузе, Д.В. Корейша не осуществляли наблюдений за ходом работ на памятнике. Кроме того, их деятельность была официально санкционирована. К. Крузе начал раскопки по поручению главного командира Черноморского флота и портов вице-адмирала А.С. Грейга⁵⁰. Д.В. Корейша действовал на основании разрешения Министерства императорского двора, к штату которого он был причислен еще в 1832 г.⁵¹ и Морского министерства⁵².

Нельзя признать соответствующим действительности и утверждение о том, что раскопки А.С. Уварова (1853 г.) «являются первыми, о которых был составлен отчет»⁵³. Результаты работ К. Крузе были опубликованы с большим количеством подробностей в 1827 г. в газете «Северная пчела» и журнале «Сын Отечества»⁵⁴. Д.В. Карейша описал свои исследования в статьях, помещенных в официальном издании – «Журнале Министерства внутренних дел»⁵⁵. Чем же публикация А.С. Уварова лучше названных выше (цитаты из них приводит и сама А.И. Романчук)? Научный уровень его отчета вполне сопоставим с работами предшественников⁵⁶.

Грабительские раскопки, проводившиеся на территории Херсонеса, также не были явлением исключительным. Большое число памятников

⁴⁹ ЗОЛОТАРЕВ М.И., КОРОБКОВ Д.Ю., УШАКОВ С.В., ПИЛИНГЕР Р., ПЮЛЬЦ А. Раскопки т.н. «Базилики Крузе» в Херсонесе (украинско-австрийский проект) // ХСб. Памяти И.А. Антоновой. 2003. Вып. XII. С. 229-231.

⁵⁰ Тункина И.В. Русская наука... С. 511.

⁵¹ У А.И. Романчук есть странная фраза об отношении Д.В. Корейши к этому ведомству: «... чиновник министерства Двора, как он себя называл». См.: Романчук А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсона... С. 13.

⁵² Тункина И.В. Русская наука... С. 522.

⁵³ Романчук А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсона... С. 13.

⁵⁴ Тункина И.В. Русская наука... С. 511-512.

⁵⁵ Археологические разыскания близ древних Пантикапея, Фанагории и Херсонеса (1845–1846): Извлечено из отчета Д.В. Карейши // ЖМВД. 1846. Ч. 16. № 11. С. 248-310; КОРЕЙША Д.В. Археологические разыскания вокруг Керчи, Севастополя и на Таманском полуострове (1846–1847) // ЖМВД. 1848. Ч. 21. № 3. С. 425-450.

⁵⁶ УВАРОВ А.С. Археологические исследования близ Симферополя и Севастополя // Извлечение из всеподданнейшего отчета об археологических розысканиях в 1853 году. СПб., 1855. С. 135-173.

по всей России пострадали в результате действий кладоискателей, и рассматривать их как какую-то особенность именно Херсонесе невозможно.

В своей статье А.И. Романчук обращается и к вопросу о степени разрушения остатков городских построек Херсонеса при строительстве Севастополя в конце XVIII – начале XIX в. Она разделяет точку зрения А.Л. Бертье-Делагарда о том, что воздействие на памятник не было столь масштабным, как его описывали путешественники того времени⁵⁷. Аналогичного мнения придерживался и А.А. Бобринский⁵⁸. Не совсем ясно с какой целью А.И. Романчук «возвращается к старой теме», так как никаких новых данных по этому вопросу она не приводит, ограничиваясь цитатами из работы А.Л. Бертье-Делагарда. Тем более что сам факт использования строительных материалов древнего Херсона подтверждается свидетельствами современников и сомнений не вызывает, а судить об объемах разрушения сложно из-за отсутствия более или менее точных данных о начальном состоянии руин на городище и количествах вывозимого камня⁵⁹.

Интересно, что если в этом случае свидетельства современников (путешественников и ученых XVIII–XIX вв.) вызывают у А.И. Романчук несколько скептическое отношение, то суждения П.С. Уваровой и А.А. Бобринского воспринимаются ею без какой-либо критики⁶⁰. Однако возникает вопрос: насколько объективны были их оценки, если каждый стремился получить контроль над раскопками? Представляется, что в этой ситуации они стремились подчеркнуть негативные стороны работы предшественников. Кроме того, П.С. Уварова в 1902 г. выступила и с критикой деятельности Императорской Археологической комис-

⁵⁷ Романчук А.И. Возвращение к старой теме... С. 244.

⁵⁸ Бобринский А.А. Херсонес Таврический: Исторический очерк. СПб., 1905. С. 173.

⁵⁹ См. напр.: Паллас П.С. Путешествие по Крыму академика Палласа... С. 93; Сумароков П.И. Досуги крымского судьи... С. 203-204; Кеппен П.И. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837. С. 234; Куторга С.С. Отрывки из путешествия в Крым 1833 г. // ЖМНП. 1834. Ч. 1. С. 86; Кене Б.В. Херронес (Севастополь) // ЖМНП. 1855. Ч. 88. С. 115 и др. Можно отметить, что проблема удаления строительных материалов из мест раскопок стояла и перед К.К. Косцюшко-Валюжиничем, который иногда решал ее путем продажи камня и его вывоза за пределы городища. Так, в 1888 г. он реализовал его в количестве 100 пудов (около 1638 кг): См.: ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 35. Л. 4.

⁶⁰ Романчук А.И. Возвращение к старой теме... С. 243-251.

сии в Херсонесе⁶¹. Однако этот факт в работах А.И. Романчук никак не отражен и создается впечатление, что глава Московского археологического общества критиковала только работы исследователей в Херсонесе до 1888 г.

Нужно отметить, что в обеих работах А.И. Романчук присутствуют многочисленные неточности. Например, часто искажаются инициалы исследователей. В.Н. Юргевич стал Н. Юргевичем, а потом и Ю. Юргевичем, А.И. Маркевич – Н. Маркевичем, Н.Н. Мурзакевич – Ю. Мурзакевичем, Н.И. Веселовский – И. Веселовским, Б.В. Варнеке – Е.В. Варнеке, В.Г. Тизенгаузен – В.Ф. Тизенгаузен⁶². Кроме того, большая часть ученых XIX в. почему-то лишилась инициала отчества. Н.Н. Мурзакевич по неизвестной причине стал «президентом Одесского общества истории и древностей», хотя такой должности в ООИД вообще не было. Н.Н. Мурзакевич, в действительности, был членом-основателем общества, его секретарем (1839–1874) и вице-президентом (1875–1883)⁶³. Адресатом письма П.С. Уваровой в 1887 г. назван император Александр II⁶⁴.

Можно отметить многочисленные небрежности в научно-справочном аппарате, когда даются неполные или искаженные сведения об изданиях. Вызывает недоумение присутствие в научной работе ссылки на копию «Выписки из Трудов Общества истории и древностей российских», хранящуюся в архиве Национального заповедника «Херсонес-Таврический»⁶⁵. Трудно поверить, что это издание, пусть даже 1827 г., не сохранилось в российских библиотеках. Разумеется, взятые по отдельности эти ошибки не представляются существенными, но в комплексе они создают общее впечатление небрежности в подготовке научно-справочного аппарата опубликованных работ. Вероятно, такой подход является особенностью стиля А.И. Романчук, на что указывала Н.М. Богданова в рецензии на монографию «Херсонес в XII–XIV вв.»⁶⁶.

В целом историографические работы А.И. Романчук последних лет производят двойственное впечатление во многих отношениях.

⁶¹ ГРИНЕВИЧ К.Э. Сто лет херсонесских раскопок. С. 33–35.

⁶² РОМАНЧУК А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсона... С. 14–15, 32; ОНА ЖЕ. Возвращение к старой теме... С. 243, 250, 253.

⁶³ МАРКЕВИЧ А.И. Состав императорского Одесского общества истории и древностей в 1839–1901 гг. // ЗООИД. 1902. Т. 24. С. 104.

⁶⁴ РОМАНЧУК А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсона... С. 16.

⁶⁵ РОМАНЧУК А.И. Возвращение к старой теме... С. 243.

⁶⁶ БОГДАНОВА Н.М. Рец. на: Романчук А.И. Херсонес в XII–XIV вв. (Историческая топография). Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1986. 192 с. // СА. 1991. № 1. С. 290.

Так, автор явно признает необходимость и научную значимость изучения истории археологических исследований. При этом, судя по всему, А.И. Романчук испытывает недостаток времени для проведения тщательного источниковедческого анализа материалов и документов XVIII – начала XX в. В другом случае предпринимается попытка нового взгляда на труды археологов периода до 1917 г., признаются их заслуги перед наукой, но история исследований характеризуется по схеме «очень плохо – все еще плохо – очень хорошо». Последний этап соотносится с современностью⁶⁷. Такой подход, по сути, является возвращением к схемам и оценкам начала 1930-х гг., ярко представленным в печально известной книге М.Г. Худякова⁶⁸. Создается впечатление, что вместо объективного анализа, предлагается, адаптированная к современным условиям, концепция развития дореволюционной российской археологии опровергнутая еще в 80-х гг. прошлого века.

---

⁶⁷ Романчук А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсона... С. 23-26.

⁶⁸ Худяков М.Г. Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов. Л., 1933; Формозов А.А. Русские археологии... С. 49-62.

A.V. ŠAMANAEV
EKATERINBURG

ZU EINIGEN FRAGEN DER GESCHICHTE
DER ERFORSCHUNG VON CHERSONES

Der Artikel ist der Analyse der Konzeption der Entwicklung archäologischer Untersuchungen von Chersones im 19. Jh. bis zu Beginn des 20. Jh.s gewidmet. Der Autor bezweifelt die Richtigkeit der Schlussfolgerungen in den Arbeiten von A.I. Romančuk, was die Erforschung von Chersones in dieser Zeit betrifft. Außerdem wird das Problem der Periodisierung der Geschichte der Forschungsarbeit an diesem Projekt aufgeworfen.